

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

**ИЗБРАННЫЕ
ПИСЬМА**

Николай Гарин-Михайловский
Избранные письма

«Public Domain»

1906

Гарин-Михайловский Н. Г.

Избранные письма / Н. Г. Гарин-Михайловский — «Public Domain», 1906

«Надя, голубка, ты пишешь, что тебя пугает наше счастье. Боже мой! И меня оно иногда пугает, так оно велико. Иногда мне кажется, что это все просто сон и что вот проснись – все исчезнет. В эти минуты мне так тяжело. Одна из таких минут была, когда я получил твое предпоследнее письмо, на которое вчера ответил. Но зато, прочитав его, я более чем когда-нибудь убедился, что это не сон, что мы любим друг друга и что мы сойдемся...»

Содержание

1	5
2	6
3	7
4	8
5	9
6	10
7	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Николай Гарин-Михайловский

Избранные письма

1

(до августа 1879 г., строительство дороги Бендеры – Галац)

Надя, голубка, ты пишешь, что тебя пугает наше счастье. Боже мой! И меня оно иногда пугает, так оно велико. Иногда мне кажется, что это все просто сон и что вот проснись – все исчезнет. В эти минуты мне так тяжело. Одна из таких минут была, когда я получил твое предпоследнее письмо, на которое вчера ответил. Но зато, прочитав его, я более чем когда-нибудь убедился, что это не сон, что мы любим друг друга и что мы сойдемся. Без сомнений нельзя, голубка моя, и хотя очень тяжелы эти минуты, но зато они еще рельефнее оттеняют другие минуты полного счастья и веры в будущее. Последние так велики, так много дают наслаждения, что охотно прощаешь за них былые сомненья. Надя, крошка моя, мне кажется, что с каждым днем я все больше и больше понимаю тебя, и чем больше понимаю, тем спокойнее и увереннее становлюсь за наше будущее счастье. С тех пор, как стала ты моей невестой, я стал совсем иным. Я всегда любил людей, немного идеально смотрел на все, и только к себе был недоверчив. Последние годы я чувствовал, что во мне начала происходить перемена. То же недоверие к себе, но зато стало вкрадываться недоверие и к людям. Прежде я старался делать зависящее от меня добро, твердо уверенный, что люди стоят, ценят и понимают делаемое им, мало-помалу я продолжал делать добро, но все более и более убеждаясь, что люди не стоят этого и не оценят. Делал же добро потому, что зла делать не мог, и когда бывала возможность сделать это, иногда и заслуженное ими зло, мне жаль становилось этих жалких людишек, пошлость которых и негодный эгоизм – главные причины их страданий. Одним словом, я переставал верить в людей, а вместе с тем и в самого себя, и так как мстить, делать зло – все эти качества не в моей натуре, а сознательно делать добро при таких взглядах становится бессмысленным, то и выходит, что я обрекал себя таким образом на какое-то глупое бессознательное существование человека, сознающего одно и продолжающего делать другое. Пожалуй, даже бесхарактерного. Ты снова, сильнее, чем когда-нибудь, возвратила меня таким образом к жизни, потому что только сознательная жизнь есть жизнь, бессознательная же жизнь – прозябание. Мало того, ты дала мне веру в себя, чего у меня прежде было мало. Теперь я хочу жить для тебя, трудиться, делать добро и приносить пользу людям, любя и жалея их. Я верю в себя – эту веру в свои способности к труду дал мне опыт, а веру в людей и в свои отношения к ним возвратила и дала мне ты. Крошка ты моя, золотая! Будь всегда моей путеводной звездочкой, моим счастьем, моей гордостью. Вот мои пожелания тебе ко дню твоего рождения, я очень хотел бы, чтоб письмо пришло в срок.

Твой вечно Ника.

2

Гундуровка, 25 декабря 1883

Дорогая мама и дорогие сестры и братья и племянники и племянницы! Дюся осталась довольна елкой <...>. Теперь уж всю зиму в Самару ни ногой. Сейчас сажусь за свою разорванную паутину, – все эти сметы, вся эта экономия – точно паутина, – плетешь, плетешь ее, а первый ветерок, и все порвалось, и опять снова начинай сначала... Если в остальном протягивать приходится ножки по одежке, то зато в одном не отказался. В детстве мечтал я, что, когда буду большой, куплю себе полный ящик лакомств. Исполнил: один из ящичков письменного стола наполнен калеными орехами и карамелями. Дюся и Кока радуются, глядя на эти богатства, а я на них глядя радуюсь. У нас буран, вьюга, сидишь себе в кабинете да подсчитываешь. Надюрка тут же книгу читает, детки в столовой играют. Чего больше? Уютно, спокойно, тихо. А в городе сплетни, голод, зависть, безденежье <...>.

3

9 июня (1886). Катав-Ивановский завод

Дорогая моя, радость моя Надюрка! Ох, как далеко отнесло нас друг от друга, – горы и реки между нами. Здешний край производит сильное впечатление своей первобытностью и своеобразностью. Уже по Белой все имеет совершенно первобытный вид. Кажется, будто нога человеческая здесь еще не бывала, – не только человека, но и следов его не видно. Громадные леса, к которым никогда не прикасался топор, заливные луга, масса дичи по берегам, дикие лебеди, гуси. Иногда дико, сурово, неприветливо, иногда прекрасно, живописно, с далеким видом. Уфа небольшой, симпатичный, весь в зелени город <...>.

4

17 июня 1886 г.

Счастье мое, радость моя Надюрка!

Вчера хотел было писать к тебе, но так устал, что отложил до сегодня, а сегодня еще больше устал, но идет почта и хоть несколько слов напишу. Мои изыскания идут очень удачно. Я сделал вариант, который даст 300 тысяч экономии. Это большая милость Божья и считается очень серьезным успехом. С тобой первой делюсь, еще и начальство не извещал. Я весь день в поле с 5 часов утра и до 9 вечера. Устаю, но бодр, весел и слава богу здоров. Тебя, моя радость, и деток люблю больше жизни, с радостью и наслаждением вспоминаю о вас, чувствую себя на месте, вижу, что я опытный и знающий инженер, и деревня принесла мне громадную пользу. Сейчас лягу спать, помолюсь за тебя, деток, нашу дорогую маму и засну крепко-крепко.

К концу июля пришлю телеграмму, куда вам ехать, – пока и сам не знаю.

Твой любящий видный и дельный муж Ника.

5

Дорогая моя голубка мама!

Очень часто думаю о Вас и молю бога, чтобы облегчил он Ваши страдания. Его святая воля, но нам, Вашим детям, очень и очень тяжело видеть Вас на старости так страдающей; но если и посылает господь нам крест, то посылает, минуя нас, подготавливая для восприятия высшей его милости и награды; все бранные и грешные выстрадают и выболеют, останется одна чистая душа, всегда молившая господя своего. Все пройдет, все минет, все дойдет до назначенного ему, но выращенное Вами поколение все будет продолжаться, передавая из рода в род завещанную Вами нравственность, честь и семейственность из рода в род.

Ваш любящий и следующий по указанному Вами, моей дорогой мамой, пути – Ника.

Миллион раз целую Ваши руки. Ваш Ника.

6

13 июня 1887 г. (Усть-Катав)

Счастье мое дорогое, Надюрка!

<...>

Я почти ничего не писал тебе о своих изысканиях. Первая часть намеченной мною программы еще зимой исполнилась – я уничтожил бесполезный и бессмысленный тоннель, сделав сокращение до миллиона. Теперь дело за второй частью программы – устроить тоннель там, где ему надлежит быть, т. е. на перевале Сулеи, с сокращением 10 верст линии. Ты, вероятно, помнишь, я тебе говорил об этом варианте. Ввиду твоей болезни я думал было 2-ю часть не приводить в исполнение, но теперь, получив от тебя разрешение остаться подольше, я жду Михайловского, чтобы предложить ему, и, вероятно, он согласится. Эта задача труднее первой.

Про меня говорят, что я чудеса делаю, и смотрят на меня большими глазами. А мне смешно: так мало надо, чтобы все это делать – побольше добросовестности, энергии, предприимчивости, и эти с виду страшные горы расступятся и обнаружат свои тайные, никому не ведомые, ни на каких картах не обозначенные ходы и проходы, пользуясь которыми можно удешевлять и сокращать значительно линию.

Вследствие моего варианта я переменял весь участок Лаппы – он пройдет по другому берегу Юрюзани – для него большой скандал...

Ваш крепко целующий, любящий и верный Ника.

7

1 окт(ября) (18)90 г.

Счастье мое дорогое, Надюрка!

Рву минуту, чтобы написать тебе несколько строчек. 6 часов утра, лошади готовы везти меня на линию – завтра кончаю все полевые работы.

Все невозможные трудности этих изысканий уже позади – все эти 60-верстные в день поездки верхом для рекогносцировки местности, без еды, без дорог, на полных рысях тряской лошади, все эти ночевки на мокром сене (сверху снег, снизу мокро), все эти косогоры, болота, утомление, доходившее до рвоты, – все позади. Не было еще таких изысканий и никогда не будет – в восемь дней 75 верст, каждый день, не переставая, то дождь, то мокрый снег, в слякоти, грязи и с сокращением на 75 «верст» – 25 верст и 50 тысяч кубических «саженей» работ (было 100 тысяч).

Господь помог сделать славное дело. Это моя Ахал-Текинская экспедиция. Но я рванул здесь так, как только мог.

Господь спас меня от большой опасности. Моя лошадь опрокинулась через меня – как она меня не раздавила, я и теперь не знаю. Это было одно мгновение, когда я осознал, что лошадь упадет через голову (видала, как ребятишки опрокидываются?). Я успел осознать и перегнуться вправо, вследствие чего под нее попала только одна нога. Зато хватился левым боком и плечом со всего размаху о камень, – думал, не досчитаюсь ребер, – но все, слава богу, благополучно. Несколько дней только болела вся сторона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.